

«СОБЫТИЕ» КАК КАТЕГОРИЯ ТЕКСТА И ЕГО ГРАММАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

1

Синтаксическая теория никогда не отрицала того, что передача некоторого факта действительности есть первичная коммуникативная функция высказывания. Однако само признание этого еще не означало исследования грамматических характеристик события в высказывании, исследования сложной реакции изменения грамматических единиц в ответ на изменение события, исследования события в его проекции на синтактико-грамматический состав высказывания.

Дело в том, что — в явной или неявной форме — всякой лингвистической школе и всякому отдельному исследователю-лингвисту присуща своя собственная языковая точка отсчета, сквозь призму которой он рассматривает непосредственные данные. Так, например, при по-морфемном мышлении, суф. *-ик*, *-ичек* и *-ек* суть три разных элемента, при морфологическом — они представлены как *-ичек* = *ик/ч* + *ек*, при по-словном — существенным окажется исход корня, а суффикс может унифицироваться и т. д. Удача или неудача в конечном результате определяется, таким образом, часто не только объективностью и/или убедительностью полученных данных, а счастливым совпадением лингвистического мировоззрения и лингвистических данных. Несмотря на то, что синтаксическая теория последних десятилетий и принимала без корректировок тезис о том, что сообщение, воплощенное в виде высказывания (предложения) по большей части отражает некоторое предцизируемое состояние участка действительности, т. е. событие; на самом деле синтаксическое мышление исследователей почти всегда было словосочетательным — высказывание сводилось к упорядоченной иерархии словосочетаний, а отношение к действи-

тельности описывалось через предикацию: *Солнце светит; Папа работает* и т. д.

Между тем под событием в самом общем виде понимается полное описание некоторого явления, во всей совокупности актуализирующих его темпоральных и спациональных локализаторов. Например, *В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С-м переулке, на улицу и медленно, как бы в нерешимости, отправился к К-ну мосту.* Будем считать описанное здесь одним событием. Предположим, что необходимо описать регулярные события подобного рода, происходящие всегда или обычно. Изменится ли в данной фразе что-либо, кроме самого добавления этих наречий? Прежде всего, конечно, изменится вид глагола: *вышел* → *выходил*, *отправился* → *отправлялся*. Поскольку данный текст не сказка, вероятно, *один* → *некий*, далее, *в начале июля* вряд ли сохранится именно в таком виде, оно заменится на что-то типа *Каждое начало июля, Обычно в начале июля* и т. д. Можно предположить даже, что и *в чрезвычайно жаркое время* трансформируется во что-нибудь типа *Когда бывало очень жарко* и т. д. Таким образом, добавление к описанию события идеи повторяемости, регулярности, модифицирует всю лексико-грамматическую ткань высказывания.

Постараемся сейчас показать, что свойственное речи стремление сохранить событие, передать в его цельности и коммуникативной важности, пронизывает и те сферы использования языка, которые считаются периферийными по отношению к некоторому общепринятому центру языковой системы.

2

В ряде синтаксических исследований последних лет все чаще начинают встречаться примеры своеобразной акцентно-синтаксической структуры: *Тише! Бабушка спит!* или *Открой! Отец пришел.* Или — *De Gaulle ist gestorben!*¹ *Mach mal die Tür auf. Pául. ruft.*² *Präsident Kénnedy*

¹ Harweg R. Zur Textologie der dass-Sätze. — Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik, 1972, N 1, S. 85.

² Harweg R. Zur Textologie des Vornamens. — Linguistics, 1970, N 61, S. 25.

ist ermordet worden³. Интерпретация таких коммуникативных реплик разнообразна, но привлекают они своей несомненной аномальностью, вызовом устоявшейся теории. Речь идет, в первую очередь, о необычности в них появления сильного (логического) ударения⁴.

Обратимся к этим примерам снова. *Открой! Отец пришел.* Здесь *отец* известное, приход его также не неожиданность. *Тише! Бабушка спит.* Имя передает известное, сам же факт может и быть неизвестен, поэтому данная фраза не есть ответ на вопрос *Кто спит?* тогда *спит* ответа было бы данным. Нет в ней и контраста: *спит бабушка*, а не кто-то другой. *De Gáulle ist gestorben!* — эта фраза выкрикивается в абсолютном начале коммуникации, когда факт чьей бы то ни было смерти еще неизвестен. *Mach die Tur auf. Pául ruft.* Приход члена семьи Пауля, как пишет Р. Харвег, известен и ожидается. *Präsident Kén尼迪 ist ermordet worden.* В этой фразе, как сообщает А. Фукс, нет никаких указаний на то, что основная информация заложена только в акцентированном материале, а все остальное — данное.

Итак, в таких высказываниях подчеркнутые элементы ни новы, ни контрастивны, ни неопределенны, ни важны, ни рематичны, но — акцентированы. В этом их лингвистическая аномалия. Возьмем примеры из обычного речевого поведения.

— *Что это к вам все X ходит?*

— *Ему моя сестра нравится.*

— *Пустите! Я на поезд опаздываю!*

— *Смотрите: гроза начинается.*

— *Да, с Вами нужно говорить осторожнее: в газету тиснете.*

Во всех этих примерах сообщается о некоторой глобальной ситуации, важной в целом: *Я на поезд опаздываю, а не тороплюсь просто так; Бабушка спит и шуметь не надо; Отец пришел и ему нужно срочно открыть дверь и т. д.*

Принято считать, что высказывания типа *Бабушка спит; Отец пришел* как будто бы неинверсивны. Однако этот тезис вполне может быть пересмотрен. Представим

³ Fuchs A. «Normaler» und «kontrastiver» Akzent. — *Lingua*, 1976.

⁴ Более подробно такие случаи обсуждаются в статье: Николаева Т. М. «Экстренное введение в ситуацию»: особый вид просодического выделения.

себе некое повествование, плавный рассказ. В нем возможны фразы типа *Пришел отец, Спит бабушка, Звонит Павел, Умер президент* и т. п. По существующей семантико-синтаксической традиции допускается круг так называемых «нерасчлененных» предложений. Однако этот круг очень ограничен. В него входят так называемые «бытийные» предложения типа *Наступила весна; Пошли дожди* и т. п. А если этот круг сильно расширить нелексически, а введя в него факт коммуникативно-текстовый? Тогда фразы типа *Звонит Павел* тоже войдут в эту сферу. При таком подходе *Бабушка спит; Де Гблль умер* есть вариант инверсивный и экспрессивный, параллельный варианту спокойно-описательному. Вводится этот вариант, очевидно, тогда, когда необходима быстрая реакция адресанта и необычная форма высказывания должна привлечь его внимание. Этот вид акцентного подчеркивания в подобных фразах нами предлагалось назвать «в ы д е л е н и е м э к с т р е н н о г о в в е д е н и я в с и т у а ц и ю».

Являются ли высказывания «экстренного введения в ситуацию» сообщением или описанием? Для ответа на этот вопрос важно обратить внимание еще на одну, текстовую, особенность этих фраз: они не только выражают некоторое глобальное противопоставление ситуации, но и оказываются минимально связанными с предшествующим текстом — в такой же степени, как мало связывается с предшествующим самое развернутое описание с нейтральными фразовыми ударениями. «...Нулевой вводный сигнал „Президент Кеннеди“. . . по своей природе скорее независим от контекста. Скорее, он преподносит весь пучок новостей как независимый контекст»⁵.

Таким образом, *Смотрите, грозá начинается* есть как бы сокращенное до минимума ситуативное описание.

Обратимся к другому примеру, из сферы, лежащей на грани собственно лингвистических изысканий — к анализу тех интуитивных стремлений, которые вызывали время от времени страсти вокруг пунктуации⁶. Оказы-

⁵ *Firbas J.* On «existence / appearance on the scéne» in functional sentence perspective. — AUC. Philologica, 1, 1975, p. 68.

⁶ Выделяются две волны предложений и требований о реформе русской пунктуации — 30-е и 60-годы XX в. (см.: «Проект свода

вается, что за неясным требованием «сохранения смысла» стоит три комплекса явлений.

1. Передача сообщения о некотором событии, стремление точно передать его сущность. При этом существенно:

а) правильно передать число участников события, актантов: *Я встретил жену брата и мать* — при наличии запятой было встречено три человека, при отсутствии — два.

б) правильно отделить одно событие от другого: *Я собрался поздно вечером вопрос разрешился удачно* — К какому событию относится обстоятельство времени?

Насколько можно судить по дискуссии вокруг Правил пунктуации, основная борьба связана была с тем, что считать событием и каковы его семантические границы. Интуитивно ощущаемое требование локальной цельности события вызывает к жизни правило об отсутствии знака в предложениях *По улицам двигались грузовики и мчались легковые машины*, где общий локализатор объединяет события. Авторы Правил русской пунктуации идут еще дальше и предлагают считать одним событием факты, передаваемые сложносочиненными предложениями с сочинительными союзами и сложноподчиненные с *как*: *Море глухо роптало и волны бились о берег бешено и гневно; Старайтесь смотреть на меня только как на пациента.*⁷

2. Передача внутренних отношений между компонентами одного события. Русская пунктуационная система ориентируется на некоторую максимальную насыщенность одного события разными в содержательном плане компонентами, но с соблюдением одного решающего условия: каждое отношение может быть представлено одним вхождением. Таким образом, в сколь угодно распространенных примерах типа *Вчера он отдал этому красивому доброму человеку свою любимую книгу даром* пишущему предоставляется право решать, в ряде случаев располагается ли изложение события однопланово, или двухпланово — когда второй ряд составляют уточнения к компонентам: *Лет пять тому назад, осенью, по дороге из Москвы в Тулу, . .*

правил об употреблении знаков препинания» — Русский язык в школе, 1930, № 3; Проект «Правила русской пунктуации». М., 1964).

⁷ Проблемы современного русского правописания. М., 1964, с. 17—20.

3. Передача типа отношения между событиями. Семантика отношений демонстрируется вариациями пунктуационных знаков разной семантики. Эта разная содержательная широта внутренних знаков почти прямо формулируется в Правилах: так, о запятой обычно говорится, что она отделяет или выделяет нечто, а о двоеточии, что оно передает такой-то комплекс значений.

Всякие сложные случаи, обычно дебатлирующиеся, часто относятся все к той же проблеме: как определить границы и компоненты одного события. При этом для свернутых конструкций типа деепричастных оборотов, причастных оборотов и оборотов с *как* теория события помогает различить случаи обязательной постановки знака. Существует два типа восстанавливаемых событий:

а) восстанавливается квазипредложение, у которого подлежащим будет то же, что и в основном, а сказуемое преобразовано из центра свернутого оборота: *Читая книгу, бабушка улыбалась — Бабушка читала книгу, бабушка улыбалась;*

б) восстанавливается событие-афоризм, где, напротив, подлежащее берется из свернутого оборота, а сказуемое — из основного предложения, но в настоящем времени: *Покойно, как лодка, скользит по каменной глади автомобиль — Лодка (лодки) скользят покойно; Как истинный художник, Пушкин не нуждался в выборе поэтических предметов для своих произведений — Истинные художники не нуждаются в выборе поэтических предметов для своих произведений.*

Такое событие-афоризм трудно примыслить для конструкций типа *Он нам известен как энергичный человек.* В этих предложениях знак не ставится.

3

Отойдя от сферы периферийности в употреблении и функционировании языковой системы — хотя часто именно периферийная область демонстрирует некоторую тенденцию во всей ее полноте — обратимся к чисто грамматическим вопросам — семантике так называемых неопределенных местоимений, включающих частицы *-то, -либо, -нибудь, кое-*.

Русская языковая особенность, по которой эти местоимения различаются функционально, привлекла к изуче-

нию неопределенных местоимений исследователей-славистов из тех стран, в языке которых названной группе соответствует меньшее число функциональных единиц.⁸ Не останавливаясь подробно на предлагаемых характеристиках различия, отметим, что все авторы говорят о трудности анализа этих местоимений в целях их однозначного перевода, о наложении и пересечении их употреблений в реальных высказываниях.

Местоимения эти противопоставляются по реальности (-то) и виртуальности (-то, -нибудь), либо по единичности (-то, -нибудь), и тотальности, неединичности (кое-, -либо)⁹; по расчлененности (-нибудь) и нерасчлененности (-то), причем признаковый член-нерасчлененность¹⁰, по типу перифраз языка перевода и по типу семантики глагола,¹¹ по известности говорящему — слушающему¹², по нейтральности-модальности высказывания¹³ и т. д.

Несмотря на многие тонкие и справедливые наблюдения, никакие попытки найти основной дифференцирующий признак, или попытки, идя от самих частиц, вывести для каждой из них наиболее характерное для нее «значение», не могут разрешить «трудные» вопросы их распознавания; например, три следующих загадки, предлагаемые здесь в нашей формулировке и трактовке:

---

⁸ См., в частности: Тагамлицкая Г. К вопросу о частицах в русском и болгарском языках. — Изв. на Ин-та за български език, 1964, т. XI; *Veyrenc J. Кто-нибудь et кто-либо formes concurrentes?* — *Revue des études slaves*, 1964, t. XIV; *Rybák J. Charakter opozície neurčitých zámen typu кто-нибудь, кто-то.* — *Československá rusistika*, 1965, t. X; *Ковачева Н. П.* Лексико-семантические особенности группы определительных местоимений *весь, каждый, всякий, любой* в плане сопоставления с болгарским языком. — *Годишник на Софийския университет. Факултет по славянски филологии*, 1967, т. 41; *Дончева Л.* Руските неопределителни местоимения и наречия от типа *-то, -нибудь (-либо), ни было* и техните еквиваленти в български език. — *Български език*, 1970, т. 20, № 5; *Birkenmaier W.* Die Funktion von *odin* im Russischen. — *Zeitschrift für slavische Philologie*, t. 31, № 1; *Harweg R.* Ein Mensch, eine Person und jemand. — *Zeitschrift für deutsche Sprache*, 1971, t. 27, № 1/2; *Ružička R.* Кто-то und кто-нибудь. — *Zeitschrift für Slawistik*, 1973, t. 18, № 5.

⁹ *Veyrenc J.* Op. cit.

¹⁰ *Rybák J.* Op. cit.

¹¹ *Дончева Л.* Указ. соч.

¹² *Birkenmaier W.* Op. cit.

¹³ *Ružička R.* Op. cit.

1. Легкость лексико-грамматических трансформаций, посредством которых ситуация запрета частицы становится ситуацией возможности:

Вчера я увидел какую-то красивую девушку. *Вчера я увидел какую-нибудь красивую девушку.

Но — Вчера я хотел увидеть какую-нибудь красивую девушку.

Или — Вижу какую-то красивую девушку. *Вижу какую-нибудь красивую девушку.

Но — Вижу какую-нибудь красивую девушку, и сердце вскипает. Он сыграл что-то изысканное. *Он сыграл что-нибудь изысканное.

Но — Сыграй что-нибудь изысканное! Вчера к вам кто-то приходил. *Вчера к вам кто-нибудь приходил.

Но — Вчера к вам кто-нибудь приходил?

2. Возможность выражения некоторых мнимых сем (или лексем перифрастического типа) обеими группами частиц, т. е. наличие у них пересекающихся зон. Например:

Значение 'один (из)'

Мы шли, прислушиваясь к каждому звуку и пугали друг друга: «Тигр», — скажет *кто-нибудь*. «Змея»! — говорит другой (И. А. Гончаров)¹⁴; Начнет она рассказывать о *каком-нибудь* страшном приключении с нею на дороге, я спрашиваю ее. . . (С. В. Соловьев); Нет, это с железной дороги *кто-то* сделал, — заметила Праксovia. (В. Салов); Я слыхала, что будто бы до свадьбы он любил *какую-то* красавицу, простую дочь мельника (А. С. Пушкин).

Значение 'хоть'

Небо не хотело, чтоб меня *кто-нибудь* любил на свете, потому что оно создало меня для ненависти (М. Ю. Лермонтов); Прощенья просит у него, что раз о *ком-то* пожалела (А. С. Грибоедов).

Значение в 'роде'

По-Вашему, Рудин Тартюф *какой-то*? (И. С. Тургенев); А Вы про меня не скажете, чтобы я была *какая-нибудь* дура? (Н. Г. Чернышевский).

¹⁴ Примеры взяты из картотеки Словаря Словарного сектора ЛО Института языкознания АН СССР.

3. Наличие конструкций, в которых различие *-то* и *-нибудь* нейтрализуется и они могут быть взаимозаменяемы. Существенно, что в предшествующей группе примеров отнюдь не всякое *-то* может быть заменено на *-нибудь*:

Все недовольны настоящим и, забыв прошедшее, ждут *чего-то* (чего-нибудь) в будущем (Н. Греч); Как все женщины, которым не удалось полюбить, она хотела *чего-то* (чего-нибудь), сама не зная, чего именно (И. С. Тургенев); Изредка кто-нибудь вдруг поднимет со сна голову и, почавкав зубами или проворчав *что-то* (что-нибудь) под нос себе, опять заснет (И. А. Гончаров); Семка всегда о *ком-то* (ком-нибудь) заботился: то выхаживал больного котенка, то выпрашивал у ребят выдранного из гнезда воробья (В. Авдеев).

Сложность, взаимопересекаемость групп *-то* и *-нибудь* исследовалась и в отечественной литературе — уже не с точки зрения адекватности их перевода, а с позиций внутренней стратификации их употребления¹⁵.

Исследовательским центром некоторых из этих работ является установление градаций определенности—неопределенности, реальности—виртуальности, известности—неизвестности.

С тех же позиций, которые могут относиться к рассматриваемой нами «категории события», существенным представляется замечание М. А. Шелякина¹⁶ о том, что важна связь значений неопределенных местоимений с особенностью их функционирования в разных контекстуальных условиях; в его исследовании этот анализ проводится, однако в центре внимания оказывается в основном то мно-

¹⁵ См., например, в частности: *Фурсенко Д. М.* О разграничении значений и условий употребления неопределенных местоимений в современном русском языке. — В кн.: Материалы 8- и 9-го Международных методических семинаров преподавателей русского языка стран социализма. М., 1963; *Селиверстова О. Н.* Опыт семантического анализа слов типа *все* и типа *кто-нибудь*. — ВЯ, 1964, № 4; *Маловицкий Л. Я.* Вопросы истории предметно-личных местоимений. — Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 517. Местоимения. Череповец, 1971; *Левин Ю. И.* О семантике местоимений. — В кн.: Проблемы грамматического моделирования. М., 1973; *Шелякин М. А.* О семантике и употреблении неопределенных местоимений в русском языке. — Учен. зап. Тартуского Гос. ун-та, вып. 442. Семантика номинации и семиотика устной речи. Тарту, 1978.

¹⁶ *Шелякин М. А.* Указ. соч.

жество имен, которые сочетаются с *какой-нибудь/какой-то*, или сами лексемы *кто-то, что-то, кто-нибудь, что-нибудь*.

Анализ разного рода интерпретативных исследований неопределенных местоимений приводит к мысли о возможности несколько иного способа представления их значений: через описание ситуаций.

Так, в частности, представляется возможным отталкиваться от двух ситуаций: одной, характерной для *-то*, другой, характерной для *-нибудь*.

Ситуацию, характерную для *-то*, мы условно называем *основной*. В нее входят:

1) темпоральные локализаторы точечного действия: *вчера, 25 марта, сегодня утром* и т. д.

Пространственные локализаторы не являются показателем основной ситуации: конструкции типа *на площади X, в Лондоне, на углу улиц Y и X* и т. п.

2) глаголы, передающие свершенное или свершающееся событие типа: *увидел, купил*, возможно — глаголы движения.

В эту конструкцию не входят глаголы модального характера: *хочу, хотел, должно, нужно* и т. п.

3) Глаголы, входящие в эту конструкцию, — это глаголы в личной форме.

Глаголы в повелительном или сослагательном наклонении в эту конструкцию не входят.

4) основная конструкция — это конструкция *статальная, утвердительная*.

Вопросительная конструкция, даже и представленная вышеуказанными лексемами, не есть основная конструкция и основную ситуацию не описывает.

Таким образом, основная ситуация передает, если речь идет о прошлом, некий свершившийся акт, действие, близкое по значению к славянскому и греческому аористу. Если же речь идет о настоящем времени, то здесь удобнее употребить используемое Л. Я. Маловицким различие настоящего актуального и неактуального: в основной ситуации используется настоящее актуальное. Разумеется, в состав основной ситуации входит и частая характеристика конструкций с *-то*: реальность. Например:

Вдруг позади нас в овраге раздался шум: *кто-то* спускался к источнику (И. С. Тургенев); Ах, маменька,

мамешка, *кто-то* идет, вон, в конце улицы (Н. В. Гоголь); Я привстал и взглянул в окно: *кто-то* вторично пробежал мимо его и скрылся бог знает куда (М. Ю. Лермонтов); Он будто бы проповедует либерализм с кафедры: об этом *кто-то* донес министру (А. В. Никитенко); А сейчас на кухне *какой-то* человек говорил, что вишневый сад уже продан сегодня (А. П. Чехов); Парадная дверь открылась, и из нее вышла *какая-то* старушка (А. П. Чехов); Экспромт *какой-то* написал, чувствительный и кудреватый (В. Л. Пушкин); Она быстро подошла к нему и *что-то* прошептала (Л. Н. Толстой); Он встал со своей постельки, завязал *что-то* в узелок и вышел на двор (Н. Г. Помяловский); Она тихонько подошла, нагнулась над ним, поставила свечку и *чего-то* искала (И. С. Тургенев).

«Основное событие», представленное в вышеприведенных примерах, действительно и воспринимается как описание кусочка действительности.

Гораздо более сложно найти нечто аналогичное для местоимений с *-нибудь*: и идея выбора, и идея виртуальности казались слишком узкими. В данном случае, как нам кажется, некоторой глобальной идеей, охватывающей конструкции с *-нибудь*, является идея регулярного события, повторяемости. При расширительном понимании регулярности в нее входит и условие — т. е. *если*, соприкасающееся с *когда*, и сравнительно-сопоставительные конструкции. Таким образом, регулярность по своей семантической сфере близка к генерализации.

Итак, оппозиция основного события — регулярного события включает в себя и оппозицию реальности — виртуальности.

В соответствии с собранными данными по Словарной картотеке, сфера исключительного употребления *-то* гораздо уже сферы употребления *-нибудь*, включая и те случаи, когда они взаимозаменяемы. В этой трактовке именно основная ситуация является признаковой, маркированной. Отличие обеих ситуаций состоит, в частности, и в том, что основная ситуация обычно есть сообщение о факте без коннотативных и вторичных по функции наслоений; в ситуации же регулярности к основным значениям неопределенных местоимений добавляются значения типа 'хоть', 'вроде' и т. п.

Временные локализаторы регулярной ситуации обычно включают в себя идею итеративности, регулярности, про-

странственные же локализаторы и здесь функционально безразличны.

Глаголы обычно выражаются формой настоящего неактуального или настоящего исторического (часто служащего для выражения генерализованного примера), формой прошедшего несовершенного вида и т. п. Таким образом, регулярная ситуация соприкасается со значением континуальности, имперфектности.

Ситуация регулярности, помимо более усложненной семантики, обладает по сравнению с основной ситуацией еще одной особенностью — она больше привязана к контексту, поскольку, помещенные в эту модель, конструкции с *-то*, становятся двусмысленными, а в основной, однозначной конструкции, сочетания с *-то* (*какой-то*) имеют артиклеобразное значение. Например:

Обычно дверь отворялась и входила какая-то старушка.
Это:

- 1) *Обычно дверь отворялась и входила некая старушка,*
- 2) *Обычно дверь отворялась и входил кто-нибудь из старушек.*

Только рамки широкого контекста способствуют разрешению подобной двусмысленности.

Приведем примеры так называемого регулярного со бы т и я, в указанном выше расширительном толковании:

Говорили, что в окрестностях водится большая, желтая, толстая змея, которая, нападая на *кого-нибудь*, становится будто на хвост и перекидывается назад (И. С. Тургенев); А, вот, например, если у *кого-нибудь* шуба стоит пятьсот рублей да супруге шаль? (Н. В. Гоголь); Матушка все дела запустила. . . Задумает *кому-нибудь* из бурмистров приказ написать — ничего порядком сообразить не может (М. Е. Салтыков-Щедрин); После чая все займутся *чем-нибудь* (И. А. Гончаров); Ляжет на спину, руки на голову, зажмурит глаза и заведет своим тонким голосом *что-нибудь* из литургии зауспокойной (М. Горький); Ежедневно. . . Ольга Ивановна играла на рояли или же, если было солнце, писала *что-нибудь* масляными красками (А. П. Чехов); Пробовал он *чем-нибудь* развлечься — ничего не выходило (Н. Г. Помяловский); Если она его за *чем-нибудь* посылала, то он бежал со всех ног (Н. С. Лесков); Каждый из докторов о *чем-нибудь* спросил

больного (С. Т. Аксаков); И каждый день *что-нибудь* утрачивалось в этой изношенной развалине (Н. В. Гоголь); Что делать, у меня всегда случалось *что-нибудь* с пьесой (А. П. Чехов); С восторгом прочитавши *какую-нибудь* «Анну Каренину», он опять принимался за статьи по общим вопросам (Г. Успенский); Если же встречал *какую-нибудь* смазливенькую, то давал ей сверх того секретное приказание (Н. В. Гоголь).

4

Однако далеко не все случаи употребления неопределенных местоимений укладываются в очерченные две группы. Существует еще, как представляется, вторая система отношений, суперсинтаксическая по сравнению с описанной. Компоненты этой системы обладают модификационной потенцией перевода из одной ситуации в другую.

Приведем основные модификаторы подобного рода, отталкиваясь от основной ситуации, т. е. модификаторы, переводящие *-то* в *-нибудь*.

В о п р о с. *Кто-то* принес нам сегодня книгу. → *Приносил кто-нибудь* нам сегодня книгу? Возможна и конструкция *Кто-то* принес нам сегодня книгу?, но это не собственно вопрос, а переспрос-подтверждение.

И м п е р а т и в. Он спел *что-то* очень печальное → *Спойте что-нибудь* очень печальное!

В в е д е н и е м о д а л ь н о г о г л а г о л а. Мне удалось познакомиться с *каким-то* фокусником → *Мне хотелось познакомиться с каким-нибудь* фокусником.

При этом, оказывается, что список модальных глаголов, функционирующим описанным образом, достаточно велик: *хотеть, стремиться, надеяться, ждать, искать, пытаться, вообразить* и т. д. Напротив, модификатором, нейтрализующим указанный переход, является *д о п о л н и т е л ь н о е у т о ч н е н и е о б ь е к т а*, выраженного неопределенным местоимением: *Спойте что-то* очень печальное, *что мы недавно слышали на берегу*; *Мне хотелось познакомиться с каким-то* фокусником, *о котором мне много рассказывал Сережа*; *К нам приходил кто-то* из Челябинска, *насчет которого вчера звонили?* и т. д.

Итак, основная ситуация точечна, регулярная континуальна. Поэтому *-нибудь* в точечной ситуации запрещается, а *-то* в регулярной — нейтрализуется.